
Воспоминанія о холерѣ въ Москвѣ, въ 1830 году, архитекторскаго помощника Бокарева (черновая рукопись).

Воспоминанія
жителя Москвы
о нѣкоторыхъ дняхъ
1830 года.

Утромъ 30-го Сентября 1830 года, получилъ я записку отъ бывшаго тогда начальника — благодетеля моего Архитектора Ѳедора Михайловича Шестакова, который просилъ меня прибыть къ нему немедленно по весьма важному дѣлу; а какъ присутствіе, гдѣ мы оба съ нимъ состояли на службѣ, послучаю свирѣпствовавшей тогда въ Москвѣ болѣзни холеры, было временно закрыто, и дѣлъ ни какихъ не производилось, то таковой экстренный призывъ не мало удивилъ меня.

Пріѣхавши къ Г. Шестакову, я нашелъ его сильно растроганнымъ, онъ съ трудомъ могъ говорить; это поразило меня—и не могло быть иначе—я искренно уважалъ и любилъ Ѳедора Михайловича всею моею душою—все это было, какъ ничтожная, со стороны моей, дань самобытному его таланту, и всегдашней его готовности на пользу ближняго. Надѣюсь, что найдутся еще люди, которые, хотя внутренно, но должны во всемъ этомъ согласиться со мною. Они также знаютъ и то, что Ѳедоръ Михайловичъ и при жизни не терпѣлъ лести.

Первое, что я узналъ отъ Г. Шестакова, было—что супруга его, покойная Екатерина Петровна, искренно уважаемая всѣми, внезапно заболѣла съ признаками холеры. Тогда то представилось мнѣ во всемъ ужасѣ положеніе моего благороднаго и добраго начальника! Ѳедоръ Михайловичъ, какъ человѣкъ, пораженъ былъ мыслею потерять супругу, мать, хозяйку дома и наконецъ друга, услаждавшаго горестную его жизнь. Я не смѣлъ нарушать его горести, и что я могъ еще предложить, кромѣ непоколебимаго упованія на милосердіе Всесоздавшаго,

и всѣмъ управляющаго по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ! Скрѣпя сердце, я долженъ былъ выслушать дѣлаемое мнѣ Ѳедоромъ Михайловичемъ порученіе по службѣ; оно состояло въ слѣдующемъ:

По волѣ, незабвеннаго для Москвы, Градоначальника ея Князя Димитрія Владиміровича Голицына, поручено было бывшему, въ то время, въ Москвѣ Оберъ-Полиціймейстеромъ Сергѣю Николаевичу Муханову устроить для медицинскихъ дѣйствій относительно болѣзни холеры: а) Баню, при не большой больницѣ, бывшей у Крымского моста, и в) Анатомическій театръ, за Калужскою заставою, на назначенномъ для того мѣстѣ — за Мухаммеданскимъ кладбищемъ.

Покойный Шестаковъ жилъ на Земляномъ валу, что за Москвою рѣкою, а Г. Оберъ-Полиціймейстеръ на Большой Дмитровкѣ, что составляетъ разстояніе между обѣими сказанными мѣстностями столицы болѣе четырехъ верстъ.

Пріѣхавши къ Г. Оберъ-Полиціймейстеру я нашелъ весь дворъ его, и даже часть улицы, — уставленными дрожками, а всѣ пріемныя комнаты наполненными полицейскими чиновниками.

Г. Оберъ-Полиціймейстеръ, заботясь о поспѣшнѣйшемъ изготовленіи помянутыхъ построекъ, тотъ часъ же уполномочилъ меня приступить къ нимъ; но за всѣмъ тѣмъ мнѣ предстояла надобность снестись объ одномъ предметѣ съ г. Шестаковымъ, о которомъ я долженъ былъ въ это же утро объяснить Г. Оберъ-Полиціймейстеру, почему и отправился я обратно за Москву рѣку, и пробывъ у г. Шестакова не *болѣе получаса времени, возвратился почти въ скачь* къ Г. Оберъ-Полиціймейстеру. Каково же было мое удивленіе, когда ни на дворѣ, ни на улицѣ не было ни однихъ дрожекъ (о которыхъ я выше сказалъ). Между тѣмъ я зналъ, что время пріема не могло быть окончено; но удивленіе мое еще болѣе возросло, когда мнѣ сказали, что Г. Оберъ-Полиціймейстеръ, въ одну минуту, собрался и поскакалъ встрѣчать Государя, прибывшаго въ Москву неожиданно, и особенно когда въ ней холера не щадила никого, и что Его Императорское Величество изволитъ уже находиться у Князя Димитрія Владиміровича Голицына, котораго осчастливилъ своимъ высочайшимъ посѣщеніемъ; прежде нежели въѣхалъ въ Кремль.

Что мнѣ оставалось дѣлать? ждать — кого? и гдѣ? — думалъ, думалъ, и отправился распорядиться въ приисканіи мастеровыхъ и матеріаловъ для начатія помянутыхъ построекъ.

Я тогда квартировалъ на Полянкѣ, то ѣдучи къ себѣ домой, и подъѣзжая къ Воскресенскимъ воротамъ—смотрю къ часовнѣ Иверской Божіей Матери сбѣгается народъ, а у крыльца часовни стоитъ отрѣлкой частный приставъ — всѣ они ждали Государя; едва только я успѣлъ соскочить съ дрожекъ, какъ изъ отдаленности Тверской улицы и потомъ все ближе и ближе, неслось анакомое.

для сердца русскаго—ура!!! Въ открытой коляскѣ изволилъ ѣхать Его Величество Государь Императоръ въ сопровожденіи покойнаго Графа Петра Александровича Толстаго. Что я чувствовалъ, когда Государь изволилъ остановиться предъ часовней, и взойти въ нее для поклоненія заступницѣ нашей!—этого не могу въ полнѣ передать. Но вотъ что записано мною было вечеромъ 30 же Сентября 1880 года. О семъ необычайномъ событіи:

Я уже прежде сказалъ, какъ и почему остановился я у Воскресенскихъ воротъ; но я забылъ прибавить, что все это происходило въ 11-мъ часу утра, на день Покрова пресвятыя Богородицы.

Чтобы лучше насмотрѣться на Государя, я сталъ чрезъ дорогу по лѣвой сторонѣ часовни, близъ угла принадлежащаго ей строенія, гдѣ еще почти никого изъ народа не было; когда я, такимъ образомъ, избралъ себѣ мѣсто, и думалъ только о томъ, какъ бы удержаться на немъ; въ эту минуту сказалъ мнѣ кто-то: смѣю спросить, почему это собралось у часовни столь много народу?— я отвѣчалъ, что въ Москву изволилъ пріѣхать Государь—но онъ значительно посмотрѣлъ на меня и улыбнулся; мнѣ досадно стало, что этотъ кто-то не вѣритъ мнѣ, я не удержался, и что-то сказалъ ему довольно убѣдительное...

Я слышалъ, какъ старикъ (ибо вопрошавшій меня былъ около 70-ти лѣтъ, сѣдой, въ оригинальной одеждѣ, съ наружностью XVIII столѣтія) что-то ворчалъ про себя; но я только могъ разслышать: Господи Боже мой! Да давно ли это было, что мы видѣли Его, и кто бы повѣрилъ, что Онъ пріѣдетъ къ намъ въ такое ужасное время . . . . Я оглянулся, у старика на глазахъ были слезы; это такъ тронуло меня, что я рѣшился завести съ нимъ разговоръ.

Милостивый Государь! какъ пріятно мнѣ, что я могу сочувствовать вамъ! украшающая вашу голову сѣдина предубѣждаетъ меня, что вы многое видѣли въ жизни, но вѣроятно ничего не видали подобнаго, что мы сію минуту будемъ оъ вами видѣть? Правда, кто не прольетъ отъ такой радости слезы?—глазамъ своимъ не вѣришь, что совершается!... Я понимаю васъ; ваши чувства ни мимолётныя; нѣтъ, они услаждали всю вашу жизнь! Дай Богъ и мнѣ и всякому такъ образовать себя какъ вы!

Старецъ ничего мнѣ не отвѣчалъ, только наклонилъ нѣсколько голову — я подумалъ, да онъ чудакъ, вѣдь я ему сказалъ не лесть, а правду.

Громогласное ура прервало нашъ разговоръ.

Почтенный старецъ снялъ шляпу, благоговѣйно перекрестился, вздохнулъ, взглянулъ на небо и началъ внутренно молиться, о чемъ?— отгадать было не трудно.

Открытая коляска, запряженная въ шесть отличныхъ вороныхъ лошадей по ямски, достигла часовни. Ура не переставало и все болѣе и болѣе сгущалось. Государь изволилъ сидѣть въ коляскѣ оъ знаменит. старцемъ Графомъ Петромъ

Александр. Толстымъ. Государь былъ печаленъ, но отеческая улыбка оживляла пламенныя сердца дѣтей—всѣ они были внѣ себя. Когда коляска остановилась, первый въ ней всталъ Государь, за нимъ Графъ, снявши фуражку. Государь и Графъ были одѣты въ мундирныхъ сюртукахъ и въ фуражкахъ. Пока Государь изволилъ выходить изъ коляски и итти до дверей часовни, народъ такъ окружилъ его, что Онъ шагъ за шагомъ подвигался въ передъ кланяясь на обѣ стороны, слившіяся въ неподвижныя стѣны. Многіе глядѣли Ему въ лицо почти *касаясь онаго (я помню, что такъ смотрѣлъ внѣ себя отъ радости покойный* Василій Ѳедоровичь Луженовскій). Лицо Государя было мрачное, загорѣлое, и грусть явно видна была на немъ, но Онъ безъ принужденно улыбался къ народу—къ дѣтямъ своимъ. Тамъ въ часовнѣ, преклонивъ колѣни предъ образомъ Заступницы Своей и нашей, Онъ молился и молился со всѣмъ истиннымъ упованіемъ на Бога и въ предстательство Пресвятыя Богородицы и Присно Дѣвы Маріи. Тамъ Онъ молился о Насъ, а вокругъ часовни благоговѣйно мы молились о немъ. Когда Государь изволилъ показаться изъ часовни и обратно идти къ экипажу, ура снова загремѣло. Многіе кричали Ему: батюшка ты нашъ! *дай Богъ тебѣ здоровья. Другіе отъ радости плакали. Во все это время у* часовни народа было едва нѣсколько сотъ, всѣ они собрались случайно, за то всѣ они были внѣ себя отъ изумленія и радости—всѣ они сохранятъ навсегда и передадутъ потомкамъ своимъ о семъ достопамятномъ днѣ, въ который удостоились зрѣть Помазанника Божія, пріѣхавшаго въ Москву, изъ любви своей къ нея.

Вошедши въ коляску, Государь поклонился на всѣ стороны народу, который со всѣхъ сторонъ бѣжалъ къ Нему,—изволилъ продолжать путь свой въ древній Кремль, а въ слѣдъ Его летѣли благословенія: Боже храни царя! Почти всѣ бросились бѣжать за коляскою, и я слышалъ какъ кричали: слава тебѣ Господи! слава! *удостоились видѣть батюшку царя! Господи! сохрани его на многія лѣта.*

Погрузившись мыслею о бѣдствіи постигнувшемъ любезное отечество мое, въ коемъ почти повсемѣстно свирѣпствовала болѣзнь холера—и о величіи души и присутствіи духа Государя, относившаго все къ неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго,—я было забылъ о моемъ старцѣ, но онъ неожиданно явился предо мною съ лицомъ исполненнымъ невинной радости.

— Мнѣ бы жалко было, сказалъ онъ мнѣ, растаться съ вами, не попроси о продолженіи вашего со мною знакомства.

Я поблагодарилъ его, какъ *съумѣлъ, и хотѣлъ оставить его, помня* лежавшую на мнѣ обязанность, но почтенный сей старецъ невольно остановилъ меня, сказавши мнѣ: ахъ! любезный согражданинъ, я едва не лишился послѣднихъ силъ моихъ, когда увидалъ батюшку царя нашего, столь много насъ любящаго! вѣдь онъ оставилъ нѣжную супругу, малыхъ дѣтей, а съ ними оставилъ

и спокойствіе свое... прилетѣлъ къ намъ, чтобы раздѣлить съ нами наше горе и, о Боже праведный! помилуй насъ, сохрани его для блага нашего! Вы я думаю читали, что писалъ Государь къ К. Д. В. Голицыну—онъ нѣдь писалъ къ нему, что пріѣдитъ въ Москву раздѣлять съ нами опасность, если только онъ узнаетъ, что она усилится. Какой отецъ въ мірѣ сравнится съ такимъ отцомъ? не только словомъ но и дѣломъ доказывающимъ любовь свою къ дѣтямъ! Чье сердце столь готово будетъ растерзать себя? Какая душа превзойдетъ сію душу, готовую по слову Бога пожертвовать собою за други своя! Гдѣ взять словъ и чувствъ, представить все сіе такъ, какъ батюшка царь нашъ дѣлаетъ? повинуясь тѣмъ волѣ Божьей!

Вокругъ насъ сталъ обираться народъ, а мой благочестивый старецъ, по обычаю старины, сталъ почти вслухъ говорить: о вѣрный блюститель закона Всевышняго! позволь, хотя заочно, молить тебя! Храни дни твоей жизни, она драгоцѣнна для милліоновъ народа, врученнаго тебѣ Богомъ и всегда вѣрнаго тебѣ! Сохрани ихъ для славы Россіи! Не сокрушай сердца твоего! Ты уповаешь на Бога и Богъ сохранитъ тебя!

Съ симъ словомъ старецъ скрылся—и я сколько не желалъ отыскать его, но за множествомъ народа не могъ его найти.

Высокія его чувства до такой степени растрогали меня, что я забылся и не примѣтно очутился на крыльцѣ Чудова монастыря.

Вся площадь предъ Малымъ дворцомъ и почти весь Кремль наполненъ былъ народомъ хранившимъ глубокое молчаніе: извѣстно было, что Его Вел. изволилъ пріѣхать изъ С.Петер. въ Москву въ 44 часа, и потому нѣсколько отдыхалъ. О семъ необычайномъ прибытіи Государя въ Москву, князь Шаликовъ прекрасно сказалъ: не утерпѣло отеческое сердце, предстало среди Москвы, въ ту самую минуту, когда она наиболѣе страдала отъ ужасу и смерти!

Когда жъ изъ воротъ Малаго дворца выѣхала открытая коляска запряженная парою лошадей, то пронесшееся ура возбудило всѣхъ. Государь въ сопровожденіи князя Димитрія Владиміровича Голицына, изволилъ ѣхать къ Успенскому собору почти шагомъ среди тѣснившагося вокругъ коляски народа; впереди экипажа шелъ одинъ только оберъ-полиціймейстеръ упрашивавшій народъ дать дорогу.

Предъ южными дверями собора встрѣтилъ Государя преосвященный Филаретъ со святымъ крестомъ и водою и со совсѣмъ старшимъ московск. духовенствомъ. Митрополитъ привѣтствовалъ его слѣдующею рѣчью:

Благочестивѣйшій Государь!

Цари обыкновенные любятъ являться царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди

насъ какъ царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать. Такое царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской. Царь Небесный приводитъ сію жертву сердца твоего, и милосердно хранитъ тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ крестомъ встрѣчаемъ тебя, Государь, да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь.

Въ соборѣ принесъ Государь теплыя молитвы Царю Царей, — и Господь услышалъ Его! Государь вышелъ изъ святилища веселъ и величавъ. И не могло иначе быть, человѣкъ всегда счастливъ послѣ молитвы! Казалось, все миновалось, все приняло другой видъ. Одинъ взглядъ любимаго Царя одушевилъ все и всѣхъ. Я никогда не забуду этой минуты — она неоцѣненна. Государь устроилъ все ко благу нашему и прощаясь съ Москвою, еще разъ молился о насъ Богу въ Чудовѣ монастырѣ, помолимся же и мы о немъ, да не уаримъ Его болѣе сокрушающагося о насъ.

Молитва.

Царю Небесный! за беззаконія наши, не накажи насъ, лишеніемъ Твоихъ милостей! молимъ Тя, Вседержавный Владыко и Господи нашъ! умилосердися надъ нами, сохрани возлюбленнаго раба Твоего, Благочестивѣйшаго Государя нашего Николая Павловича, и весь Августѣйшій Его домъ! Отврати отъ насъ правосудный гнѣвъ Твой! да сподобимся вопѣть Тебѣ отъ глубины смиренія нашего, предъ непостижимымъ Величествомъ Твоимъ. Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды Благовѣрному Императору нашему Николаю Павловичу на сопротивныя даруя, и Твое сохраняя крестомъ Твоимъ жительство.

По окончаніи постройкою бани при больницѣ у Крымскаго моста и Анатомическаго театра за Мухаммеданскимъ кладбищемъ, изготовленныхъ для медицинскихъ дѣйствій по случаю болѣзни холеры, и по отдачѣ въ нихъ отчетовъ, я уже нѣсколько дней сидѣлъ дома одинъ одинешенекъ безъ всякаго дѣла. Находившійся у меня Александръ Тимофеивичъ изволилъ, не задолго предъ этимъ временемъ, сыскать себѣ мѣсто, которое по его соображенію болѣе его обезопечивало, и потому то каждое утро приходилъ ко мнѣ. Прошка моя, старуха, польская шляхтянка, которую я и всѣ мои знакомые звали подъ именемъ Михайловны; эта то ветхая прислуга ежедневно являлась ко мнѣ утромъ убирать комнаты, топить печки, ставить самоваръ, чистить платье, а иногда должна была ходить на Полянскій рынокъ (на которомъ она жила) и покупала для меня обыкновенно и почти ежедневно: полфунта паюсной икры, десятокъ соленыхъ огурцовъ, калачъ, бутылку рейнскаго вина и полштофа сладкой водки. Но пропорція этихъ продуктовъ иногда измѣнялась, смотря по числу посѣщав-

шихъ меня каждый день сослуживцевъ и знакомыхъ. Не потерявъ, по милости Бога, присутствія духа, я и пріятелей моихъ пріучалъ сейчасъ послѣ чаю ѣсть безъ боязни: икру, огурцы, и пить вино и водку. До холеры я никогда не имѣлъ привычки завтракать, а наиболѣе пить утромъ водку и вино. Въ холеру же не иначе выходилъ со двора, какъ позавтракавши и выпивши водки и вина. Это я дѣлать продолжалъ до 6-го Декабря.

Въ нижнемъ этажѣ моей квартиры жилъ купецъ-старикъ, при немъ были средникъ лѣтъ женщина, и дѣвушка. Объ нихъ говорили, что они держались глубокой старины. Старикъ былъ полураскольникъ, но за всѣмъ тѣмъ онъ и его опричники были самые смирные и честные люди; когда я на день оставлялъ мою квартиру, охраняемую одною только маленькою собачкою Розкою, которую я запиралъ въ компатахъ, то эти сосѣди, кромѣ своихъ похвальныхъ качествъ, имѣли ко мнѣ какое то особливое благорасположеніе, всегда съ заботливостью наблюдали за неприкосновенностью моего жилища, и я бывало уходилъ со двора, вовсе не безпокоясь о цѣлости моего имущества.

Въ другой половинѣ нижняго этажа дома, жилъ какой то очень не старый торговецъ съ молодою женою, весьма недурною собою, и тещею. Этотъ несчастный въ сосѣдство ко мнѣ переѣхалъ незадолго до холеры, и имѣлъ слабость сильно попивать...

Вотъ второй случай напугавшій меня въ холеру. Входъ въ квартиру молодаго торговца былъ особенный и не соединялся съ моею квартирою. Если я этого сосѣда видалъ когда, то не иначе какъ въ окны моей квартиры, выходившей на другую сторону двора, съ котораго былъ устроенъ ходъ въ ихъ квартиру.

По образу моихъ мыслей и по странному характеру моему, я никогда не имѣю привычки узнавать о людяхъ, какъ и что они дѣлаютъ дома, и даже объ такихъ, о которыхъ бы мнѣ иногда и слѣдовало бы знать. Любопытство въ этомъ случаѣ я всегда почиталъ вреднымъ для себя; увнавши что либо дурное, тотъ часъ осудишь—а вѣдь это грѣхъ!—да и что можно извлечь изъ этого, если узнаешь, такой то такъ то живетъ—вѣдь все это давнымъ давно извѣстно и ничего въ томъ новаго и особенно полезнаго не пріобрѣтешь, кромѣ развѣ того, что соблазнишся, и самъ будешь подражать худому! всякій знаетъ, что добрая слава молчитъ, а худая далеко бѣжитъ—если вамъ будутъ говорить о комъ бы то ни было, то повѣрьте, будутъ говорить болѣе неправды, нежели правды! Былъ одинъ только у насъ на святой Руси человѣкъ, который обезсмертилъ свое имя, въ имени Великаго, и который всегда говаривалъ, наушникамъ „спасибо тебѣ, что ты мнѣ сказалъ; но вотъ что братъ, я вѣрю, что ты не смѣлъ мнѣ не сказать правды, но вѣдь ты сказалъ только объ одной его слабой сторонѣ, теперь скажи ка мнѣ, что ты замѣтилъ въ немъ и такого,

что можно почесть и за доброе". Эта святая истина, какъ гласъ Божій, поражала клеветниковъ.

Обращаюсь къ бывшему со мною случаю.

Вечеромъ одного дня, у меня былъ кто то, а Михайловна намъ готовила что-то къ ужину, обыкновенному какой бываетъ у холостыхъ. Вдругъ вбѣгаетъ въ мою квартиру человѣкъ, вовсе никому незнакомый, лицо котораго было полумертвое, безжизненное, глаза выпученные, волосы разстрепанные, платье въ безпорядкѣ. Этотъ пріятный посѣтитель не останавливаясь бѣжитъ изъ передней въ комнату, изъ этой въ спальню, бросается подъ кровать, однимъ словомъ осматриваетъ съ остервененіемъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ только можетъ спрятаться человѣкъ. Онъ все это дѣлалъ молча. Я и всѣ кто тутъ случился быть — стояли выпуча глаза, безпокойствовали, не трогаясь съ мѣста и не понимали ничего что бы все это значило. Смѣльчакъ же, осмотрѣвши все, выбѣжалъ опрометью вонъ, не сказавши никому ни слова! Теперь все это конечно смѣшно, но тогда, когда умы всѣхъ направлены были Богъ знаетъ къ какимъ то странностямъ, таковое посѣщеніе, признаюсь, не могло не взволновать крови. Дѣло впослѣдствіи объяснилось; молодой торговецъ, пріѣхавши домой изъ города въ нетрезвомъ видѣ, и не найдши дома жены, которая спряталась отъ него, въ безпамятствѣ прибѣжалъ ко мнѣ отыскивать ее. Утромъ на другой день этотъ несчастный валялся у меня въ ногахъ. Чрезъ три дня потомъ въѣхала къ намъ на дворъ фура, наполненная гробами, и захватила съ собою бѣднаго моего сосѣда. Онъ умеръ отъ невоздержности, жертвою жестокой холеры. Старуха теща его, приходила ко мнѣ просить совѣтовъ, какъ помочь ея зятю. Его странное посѣщеніе ко мнѣ, его скорая смерть, такъ разстроили меня, что я самъ едва не сдѣлался жертвою холеры; какъ слѣдующее обстоятельство не дало развернуться во мнѣ болѣзни.

Утромъ 21 октября 1830 года, прискакалъ ко мнѣ отъ Ѳедора Михайловича Шестакова кучеръ съ запискою, приглашавшею меня къ нему. Дѣлать было нечего, отказаться нельзя — служба! Являюсь къ Г. Шестакову, нахожу его уже не озабочивающимся о болѣзни своей супруги, — она, слава Богу, избавилась ея, но онъ самъ рѣшительно струсилъ, да и кто тогда не струсилъ? Наканунѣ онъ былъ у Николая Ивановича Шрейдера, предсѣдателя карантинной комиссіи, для обсужденія съ нимъ по предстоящему устройству трехъ карантиновъ вне Москвы: 1-й въ Петровскомъ Дворцѣ, 2-й на Воробьевыхъ горахъ и 3-й за Покровскою заставою. Г. Шестаковъ какъ начальникъ мой, слѣдовательно имѣлъ право поручать мнѣ, вмѣсто себя, устройство помянутыхъ карантиновъ; но онъ въ душѣ своей понималъ, какую на меня возлагалъ обязанность. Я видѣлъ, что онъ явно боялся самъ дѣйствовать, а съ тѣмъ вмѣстѣ, видѣлъ и то, что онъ страшился и за меня. И потому то онъ почти со

слезами на глазахъ упрашивалъ меня немедленно ѣхать къ Шрейдеру и дѣйствовать вмѣсто его. Что мнѣ оставалось дѣлать?—Я убѣдился, что Г. Шестаковъ правъ, — вопервыхъ потому, что несумненно заразился мыслью о тѣхъ ужасахъ, какіе вкругъ насъ, слѣдовательно онъ уже былъ боленъ; вовторыхъ потому, что онъ имѣлъ семейство, а я былъ холостъ. Къ тому же я его любилъ всею моею душою. Призвавши Бога въ помощь, я отправился къ Шрейдеру (онъ квартировалъ тогда на Мясницкой, въ Армянскомъ переулкѣ, въ домѣ Веневитиныхъ). Пріѣзжаю, Шрейдера нѣтъ дома—когда пріѣдитъ? Часа въ 4 вечера. Пріѣзжаю въ 4 часа, выбѣгаетъ ко мнѣ Шрейдеръ (я его зналъ еще тогда, когда онъ былъ въ Орлѣ губернаторомъ, — онъ меня не узналъ, а я не хотѣлъ ему напоминать до времени). Вотъ слово въ слово разговоръ мой съ нимъ:

— Имѣю честь представить себя В. П., архитекторскій помощникъ титулярный совѣтникъ Бокаревъ. Мнѣ начальникъ мой, Г. Шестаковъ, по болѣзни своей, поручилъ явиться къ вамъ, для исполненія всего того, что вамъ угодно было назначить ему.

— Помилуйте, что онъ со мной дѣлаетъ? я ждалъ его, чтобы ѣхать съ нимъ въ Петровскій дворецъ; я ему все передалъ, что намъ слѣдуетъ сдѣлать во всѣхъ трехъ карантинахъ, теперь я снова долженъ съ вами ѣхать во всѣ мѣста. Это ни на что не похоже! я уже доложилъ князю Димитрію Владимір. что мы съ Шестаковымъ все уладили, и что съ завтрашняго числа приступимъ къ работамъ. Научите, что мнѣ теперь дѣлать? Боже мой! что мнѣ дѣлать!

— В. П., Г. Шестаковъ все передалъ мнѣ, что отъ васъ получилъ. И если вамъ угодно будетъ, то я сію жъ минуту приступлю къ работамъ.

— Очень вамъ благодаренъ! Ей! карету! вы со мною поѣдите въ каретѣ, а дрожки нарою, нанятыя для Г. Шестакова, и теперь принадлежащія вамъ, для объѣзда вашего всѣхъ трехъ карантиновъ, пускай ѣдутъ за нами, я васъ оставлю во дворцѣ распоряжаться—такъ вы на нихъ возворотитесь въ Москву. Вотъ вамъ и бланкъ за подписью К. Д. В. Голицына на свободный проѣздъ и выѣздъ во всѣ заставы Москвы.

Такъ началась снова моя служба въ ужасную эпидемію.

Отъ Мясницкой и до Тверской заставы, разговоръ нашъ не прекращался, какъ и что должно быть сдѣлано въ карантинахъ. У заставы во множествѣ толпился народъ, между котораго разъѣзжали гусары и жандармы.

Насъ долго не пропускали въ заставу; Шрейдеръ, сидѣвшій у меня съ правой стороны, высунулся въ окно кареты и замѣтно старался показать звѣзду, красовавшуюся на коричневомъ его сюртукѣ;—онъ довольно громко закричалъ кому то: „я предсѣдатель карантинной комиссіи, ѣду въ Петровскій Дворецъ съ архитекторомъ, котораго экипажъ позади моей кареты, и потому прошу васъ

устроить, чтобы мнѣ больше здѣсь не ждать, иначе я ѣду сію минуту прямо къ военному генералъ губернатору."

Офицеръ приложилъ руку къ шляпѣ, и весьма почтительно сказалъ, что онъ доложитъ о семъ какому то генералу, который тутъ же находился. Минуту спустя, шламбаумъ подняли и мы покатили во дворецъ. Здѣсь Шрейдеръ сказалъ мнѣ: „бѣдная Москва, сколько она перенесла ужасовъ."

Прибывши во дворецъ, я нашелъ тамъ плотниковъ, у которыхъ не было ни куска дерева. Осмотрѣвши что надо дѣлать, я тутъ же составилъ смѣту, какіе потребны матеріалы, и тутъ же на покупку ихъ получилъ отъ Шрейдера 1200 руб. ассигнаціями. Онъ улетѣлъ въ Москву, а я остался во дворцѣ распоряжаться, какъ и что дѣлать. Кончивши все это, поскакалъ и я въ Москву. На дворѣ давно былъ вечеръ, а когда я пріѣхалъ къ военной цѣпи, которая тогда окружала всю столицу,—то уже было такъ темно, что я ничего не могъ разглядѣть хорошенько. Дрожки мои я долженъ былъ оставить за цѣпью, а самъ отправиться пѣшкомъ, въ сопровожденіи унтеръ-офицера и солдата, въ трактиръ (на правой сторонѣ дороги), въ которомъ обыкновенно тогда находились и пѣхотные и конные офицеры, безъ разрѣшенія которыхъ никакое лицо не имѣло права проѣхать цѣпь—да и некому было; по дорогѣ никто не ѣздилъ, кромѣ почты.

Предъявивши свой бланкъ и помѣнявшись поклонами съ пѣхотными и гусарскими офицерами, отправился я къ заставѣ; тутъ опять та же исторія: дрожки остановились за шламбаумомъ, а я долженъ былъ идти на гауптвахту, гдѣ полицейскій чиновникъ, посмотря на бланкъ, далъ свое приказаніе дежурному пропустить меня въ Москву. Этотъ порядокъ пропуска меня въ Москву и изъ оной наблюдался во все время поѣздокъ моихъ во дворецъ, до самаго снятія оцѣпленій Москвы, что совершилось 6-го Декабря.

Прежде нежели скажу о дальнѣйшемъ дѣйствіи моемъ по постройкѣ въ Петровскомъ дворцѣ карантина (которому у сего приложенъ планъ), не могу умолчать объ одномъ забавномъ со мною случаѣ, бывшемъ на Тверской гауптвахтѣ.

Ѣздивши уже въ Петровскій Дворецъ нѣсколько дней, слѣдовательно и привыкъ къ порядку оцѣпленія Москвы, и мнѣ затруднительно было проѣзжать цѣпь и заставу только въ ночное время, днемъ же или утромъ остановки почти никогда не было; на заставѣ чиновный писарь уже запримѣтилъ меня, на военной цѣпи караулъ хотя ежедневно и смѣнялся, но я днемъ проѣзжалъ цѣпь почти безъ остановочно, ибо на ней также признали меня. Однажды только старикъ корпусный командиръ генералъ . . . . . , осматривавшій цѣпь, велѣлъ было меня остановить, но и тотъ узнавши, кто я, и зачѣмъ ѣду во дворецъ, приказалъ не задерживать меня никогда.

Разъ какъ то ѣду изъ дворца вечеромъ часу въ 8-мъ, благополучно проѣхалъ военную карантинную цѣпь, приѣзжаю къ заставѣ, по обыкновенію оставивъ дрожки за нею, вхожу въ гауптвахту, и вотъ что тамъ увидѣлъ: за столомъ у окна сидѣлъ господинъ заставный писарь въ фуражкѣ и сильно подъ шефе; въ рукахъ у него былъ пустой полуштофъ, изъ котораго онъ усильно старался вынуть прутикомъ отъ вѣника, ... лежавшей въ посудинѣ вѣроятно съ незапамятныхъ временъ; я показалъ ему бланкъ, онъ такъ занятъ былъ своимъ рукодѣльемъ, что не обратилъ на него никакого вниманія, даже не замѣчалъ, что я стоялъ предъ нимъ. Меня досада взяла, къ тому жъ я спѣшилъ къ Шрейдеру — я спросилъ военнаго гренадерскаго унтеръ-офицера — да гдѣ же господинъ караульный офицеръ?—Ихъ нѣтъ. Я окинулъ глазами комнату; въ углу на лавкѣ что-то лежало закутанное въ шинель; на столѣ, за которымъ сидѣлъ мой мучитель, разбросаны были тарелки въ родѣ блюдечекъ, и на нихъ остатки сырого лука—бывшаго въ только что съѣденыхъ блинахъ; пока я любовался на сидящаго и лежащаго, въ комнату вошелъ огромнаго роста солдатъ, съ страшными усами и бакенбардами, и сказалъ трубнымъ басомъ: В. Благ., онъ опять началъ буянить! При этомъ словѣ мой механикъ, не покидая изъ рукъ стекла, всталъ и пошелъ очень важно въ солдатскую караульную, — я не утерпѣлъ, взглянулъ въ дверь, и вотъ что я увидѣлъ: его благородіе закричалъ во все горло: связать его! и по сему магическому слову, нѣсколько молодцевъ солдатъ гренадеръ, бросились къ одному изъ товарищей своихъ, стоявшему отдѣльно, и вмигъ связали ему веревкою руки назадъ. Онъ стоялъ какъ колосъ предъ пигмеемъ писаремъ, вытянувшись, смирно, не произнося ни одного слова и едва удерживаясь отъ смѣха; я съ мѣкнулъ, что все это ни что иное было, какъ игра солдатъ надъ бѣднымъ писаремъ; наконецъ я не воздержался, сказалъ старшему унтеръ-офицеру, — послушай братецъ, мнѣ не хочется, чтобы ты получилъ непріятность, видишь, на вотъ смотри, можно ли меня удерживать; когда онъ прочиталъ данный мною ему бланкъ, онъ опрометью бросился къ писарю и что то сказалъ ему на ухо, а тотъ преважно произнесъ: пропусти.

Когда я вышелъ изъ караульни, ночь была, какъ говорится, хоть глазъ коли, и шелъ маленькій, но частый дождь при порывистомъ вѣтрѣ. Я начиналъ колебаться, ѣхать ли мнѣ теперь въ лѣсной Міюскій рядъ, или завтра утромъ. Долго не зналъ на что рѣшиться, все еще стоя у караульной. Я думалъ: если поѣду теперь, то никого не найду въ лѣсномъ ряду, кромѣ сторожей; къ тому жъ дорога, по которой мнѣ неизбѣжно надо ѣхать, отъ бывшихъ дождей сдѣлалась и днемъ невыносимою; дрожки могутъ завязнуть въ грязи и изломаться. Оставить же до утра значитъ рискнуть собою; и можно ли увѣриться, что я утромъ успѣю купить лѣсъ и отправить его такъ рано во

дворецъ, какъ плотники выдутъ на работу. Притомъ, я долженъ былъ въ сей же вечеръ непремѣнно пріѣхать къ Шрейдеру и сказать ему, какъ и что я распорядился, — то какъ ему покажется, что я покупку лѣсныхъ матеріаловъ оставилъ до завтрашняго утра. Вскочивъ на дрожки и нахлобучивъ на глаза свою шапо-ба, я закричалъ извощику — пошелъ налѣво! — Да мы здѣсь сударь не проѣдемъ!—Какой вадоръ! ступай!—Дѣлать было нечего, онъ тронулся шагомъ. Долго мы ѣхали такъ. Слабый свѣтъ фонарей едва мерцалъ, внизу у насъ была пятая стихія т. е. грязь по ступицу, а сверху обдавалъ насъ дождь и холодный пронзительный вѣтеръ. Я скрѣпя сердце молчалъ. Извощикъ то останавливался, то слѣзалъ съ дрожекъ, чтобы увѣриться гдѣ мы ѣдемъ. Кто знаетъ обширность мѣста занимаемаго Міюскимъ лѣснымъ рядомъ, на которомъ могъ бы помѣститься любой городъ, и притомъ въ чертѣ города, тотъ пойметъ, что мы ѣхали по безбрежному морю грязи; и къ кому ѣхали и куда мы ѣхали, самъ ничего не понималъ. Всякій знаетъ, что наудачу ѣхать дурно. Кругомъ была непроницаемая тьма, и нигдѣ даже признака огня, ни звука голоса собачьяго. Наконецъ лошади наши остановились, они выбились изъ силъ, а мы промокли и продрогли до костей! Долго мы стояли, — извощикъ мой молчалъ, я тоже, лошади вадрагивали.

— Посмотри, братецъ, нѣтъ ли тутъ гдѣ ныѣзда? вѣдь намъ не ночевать же здѣсь, чертъ возми, какъ весело! — На что тутъ смотрѣть, кругомъ грязь непроходимая и ничего не видать, хоть глаза коли! — Ну такъ чтожъ намъ дѣлать? — Да что дѣлать, смерть да и только!.. чтобы чертъ взялъ эту холеру! — Ну братъ не говори, Богъ за грѣхи наши послалъ ее! — Стало быть такъ, о Господи помилуй!—Посмотри-ка, вѣдь это никакъ должно быть изба?—Должно быть изба...—Почти противъ насъ мелькнулъ едва замѣтный огонекъ, какъ точка свѣтящагося червячка. — Поди-ка узнай. — Онъ пошелъ на точку огня, а я взялъ возжи въ руки. Чрезъ нѣсколько минутъ послышался лай собаки, потомъ стукъ, потомъ человѣческіе голоса, потомъ это все пропало! Я хотя отъ мокроты и холода дрожалъ, но нисколько не думалъ о томъ, что отъ меня за нѣсколько сотъ саженъ холера коситъ народъ безъ пощады. Я умолялъ судьбу только объ одномъ, какъ бы поскорѣе выбраться изъ лѣснаго ряда. Я и думать забылъ о покупкѣ лѣса. Что я въ этотъ вечеръ вытерпѣлъ, того по совѣсти не желаю даже моему врагу — если когда либо былъ у меня врагъ.

Я было заснулъ, какъ извощикъ разбудилъ меня окликомъ: нашелъ сударь! — А! что ты нашелъ? такъ ступай же скорѣе! — Нельзя, извольте слѣзать съ дрожекъ и идите ко мнѣ, а я объѣду кругомъ; мы заѣхали гдѣ вовсе не ѣздятъ! — Да куда же мнѣ идти? — Сюда идите, здѣсь есть дорожка къ избѣ. — А кто тамъ въ избѣ? — Какой то мужикъ; онъ говоритъ: пусть твой баринъ войдетъ сюда пообогрѣться. — Дѣлать было нечего, я рѣшился идти, и какъ

идти, по колѣно, что называется, въ грязи. Вхожу въ избу, первое, что меня обрадовало, въ ней было очень тепло. — Здравія желаю. — Любезный, кто ты такой? — Да я сударь Коротковъ Никита Андреевъ, лѣсникъ! — Ахъ! братъ, сдѣлай милость, не можешь ли ты выручить меня; мнѣ надо, чтобы завтра утромъ, чѣмъ свѣтъ, въ Петровскомъ Дворцѣ былъ бы лѣсной матеріалъ, какой мнѣ надобно купить у васъ въ ряду. — Извольте сударь, сколько и чего вамъ требуется.—Я далъ ему роспись, и мы съ нимъ въ двухъ словахъ дѣло порѣшили. И взялъ съ него росписку и выдалъ ему въ задатокъ 500 рублей. Коротковъ понималъ, какую обязанность бралъ на себя, слѣдовательно я былъ спокоенъ и благодарилъ Бога за окончаніе дѣла.

Кой какъ, по наставленію Короткова, выѣхали мы на Тверскую Ямскую улицу, на которой, кромѣ столбовъ съ фонарями и разъѣзжающихъ патрулей гусарскихъ, никого не встрѣчали. Подъѣзжая къ Тверскимъ воротамъ, я велѣлъ извощику остановиться, взошелъ въ какой то трактиръ (кажется на правой сторонѣ), велѣлъ подать чаю и вынести стаканъ водки и стаканъ чаю извощику, съ себя приказалъ снять сапоги, и торжественно, при пирующихъ посѣтителяхъ трактира, велѣлъ вытереть ноги мои ромомъ; всѣ эти рожи смотрѣли на меня съ удивленіемъ, а я вовсе не занимаясь ими торопился выпить стаканъ горячаго чаю. Кончивши это предостереженіе, я поскакалъ въ хвостъ и въ голову къ Шрейдеру. Когда я взошелъ къ нему, онъ сидѣлъ за большимъ столомъ, поставленнымъ въ очень большой комнатѣ, и что-то писалъ. У стола стоялъ правитель дѣлъ (Трофимовичъ, бывшій совѣтникъ въ. Рязани), членъ комиссіи карант. полковникъ Перфильевъ (что нынѣ начальникъ Московскаго округа жандармовъ), а въ отдаленіи стояли — сынъ Шрейдера Ѳедоръ, гусарскій штабсъ-ротмистръ, числившійся при отцѣ чиновникомъ особыхъ порученій по комиссіи карантинной, и архитекторскіе помощники: Гамбурцевъ, Дроновъ и Клюквинъ. Шрейдеръ, увидавши меня, бросилъ писать, подбѣжалъ ко мнѣ,— что съ вами сдѣлалось, я потерялъ терпѣніе ждать васъ; Богъ знаетъ что я думалъ,— скоро 11 часовъ. — Я поспѣшилъ разсказать Шрейдеру все, что со мною было, онъ сначала взбѣсился было на писаря, но когда я сталъ доканчивать о его продѣлкахъ, то такъ онъ, такъ и всѣ бывшіе въ комнатѣ смѣялись отъ души; что было антрактомъ для тогдашнихъ не только скучныхъ, но и ужасныхъ дѣлъ.

Прежде нежели началось сужденіе объ дѣлахъ, Шрейдеръ самъ побѣжалъ къ женѣ, чтобы поскорѣй подали мнѣ чаю, который почти насильно заставилъ выпить меня съ ромомъ.

Въ этотъ вечеръ положено было, для удобнѣйшихъ дѣйствій, устройство карантиновъ: на Воробьевыхъ горахъ поручить Гамбурцеву, а за Покровскою заставою Клюквину, — меня же за дальностію разстоянія карантиновъ — уволить

отъ наблюденій за прочими; и такъ у меня остался одинъ только карантинъ въ Петровскомъ Дворцѣ. Г. Дроновъ остался заурядъ и вовсе уволенъ былъ касаться въ комиссію. Дроновъ, какъ старшій изъ двухъ помянутыхъ помощниковъ, почему сначала ему и назначили было карантинъ за Покровскою заставою, но ему вздумалось увѣрять Шрейдера, что для приступленій къ работамъ непремѣнно нужно составить подробные планы, которые предварительно надо вытребовать изъ строительной комиссіи, и что для сдѣланія ихъ немало потребуется времени. Шрейдеръ бѣсился; наконецъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ — скажите, точно ли все это нужно? — Къ сожалѣнію моему, я долженъ былъ сказать противное, что успокоило Шрейдера, и онъ деликатно отдалилъ Дронова, поручивъ это дѣло Клюквину.

Отклонявшись Шрейдеру, я взялъ къ себѣ на дрожки Гамбурцева, который также жилъ за Москвою рѣкою, и которому утромъ надо было ѣхать на Воробьевы горы.

Дорогою насъ останавливалъ гусарскій патруль. Такъ какъ я зналъ, что у меня дома ничего не было, то мы на Пятницкой, въ овочной лавочкѣ, въ которую едва достучались, купили: арбузъ, полштофа сладкой анисовой водки, фунтъ паюсной икры, бѣлый хлѣбъ и бутылку виноградного вина.

Пріѣхавши домой, мы начали ужинать и легли спать часа въ два. Проснулись въ осьмомъ. Вставши напились чаю и позавтракали. Гамбурцовъ поѣхалъ на Воробьевы горы, а я въ Петровскій Дворецъ. Такъ продолжалось все то время, пока строились карантины.

Въ одинъ вечеръ заѣзжаю я ко обыкновенію къ Шрейдеру, отъ котораго мнѣ слѣдовало получить еще 600 руб. ассигн. для выдачи за работы и матеріалы; онъ сидѣлъ и пилъ чай; когда я взошелъ, онъ началъ благодарить меня, посадилъ меня, приказалъ подать чаю; въ это время пріѣхалъ къ нему сенаторъ Фонъ-Брокъ, которому онъ меня рекомендовалъ, какъ сотрудника своего. Разговоръ былъ скучный; Фонъ-Брокъ уѣхалъ скоро. Шрейдеръ досталъ портфель, гдѣ у него были деньги, и вынимая ихъ сказалъ: я очень, очень вамъ благодаренъ, кн. Дм. В. знаетъ, что карантинъ въ Петровскомъ Дворцѣ устроенъ превосходно и уже донесъ о семъ Государю Императору, о чемъ онъ меня увѣдомилъ и поручилъ благодарить васъ, я послалъ это увѣдомленіе начальству вашему, пусть оно порадуется и выдастъ вамъ его по журналу. — Что мнѣ оставалось дѣлать, — какъ только молчать и кланяться. При этомъ Шрейдеръ не забылъ распространиться и о томъ, какъ онъ любитъ дѣйствовать живо; я обрадовавшись сему случаю, сказалъ ему: „В. П., я это давно знаю!“ Шрейдеръ взглянулъ на меня значительно, а я продолжалъ — „еще въ Орлѣ имѣлъ честь пользоваться вашимъ ко мнѣ вниманіемъ, когда В. П. покойный кн. Алекс. Борисовичъ Куракинъ показывалъ мною сдѣланные рисунки обмас-

кировки 60 домиковъ деревни Мокрецовъ!" Онъ бросилъ портфель и почти закричалъ,—какъ же вамъ не стыдно давно мнѣ не сказать объ этомъ — и тутъ то начался у насъ разговоръ о дѣлахъ и дѣяніяхъ князя—и тутъ то Шрейдеръ началъ мнѣ говорить,—вы помните какъ я дѣйствовалъ бывши Орловскимъ губернаторомъ.—Коли что я ему на это говорилъ, то божусь говорилъ безъ всякой лести, потому что онъ дѣйствительно поступалъ необыкновенно; уничтожалъ разбои, бывшіе даже между дворниками, украшалъ городъ и тому подобное. Съ этого вечера мы съ Шрейдеромъ стали какъ давнишніе знакомые. Я у него нѣсколько разъ обѣдалъ, и до самаго окончанія коммисіи, былъ имъ обязательно обласканъ; онъ такъ былъ деликатенъ, что нерѣдко провожалъ меня до передней. Въ одинъ обѣдъ у Шрейдера вдругъ жена его спрашиваетъ меня: вы знаете, нынѣшній день должно быть частное затмѣніе солнца; я отвѣчалъ отрицательно, она велѣла подать календарь и начала искать въ немъ описаніе затмѣнія,—какъ Шрейдеръ почти вырвалъ у ней календарь изъ рукъ, сказавши —полно пожалуйста, кушай, супъ простынетъ, затмѣнію нѣтъ дѣла до насъ, мы обѣдаемъ.

Въ тогдашнее время я порядочно пописывалъ; Шрейдеръ упросилъ меня переписать къ князю Голицыну рапортъ и краткій отчетъ. Я пріѣхалъ къ нему съ утра, обѣдалъ у него, и когда уже все было готово, то вотъ какой былъ страшный случай. — У Шрейдера не было чернилицы, чернилы наливались въ рюмку, которая стояла среди стола, на которомъ лежали всѣ бумаги изготовленныя къ представленію князю. Но, о ужасъ! Проклятая рюмка отъ чего-то опрокинулась и залила всѣ бумаги. Шрейдеръ и я бросились собирать ихъ и раскладывать по стульямъ, скоблить и лизать языкомъ; у меня жаръ вступилъ въ голову. Шрейдеръ бѣгалъ какъ угорѣлый. Счастіе, что все то, что залито было, могло быть исправлено,—мы успокоились.

На другой день Шрейдеръ смѣясь сказалъ мнѣ, — Владиміръ Алексѣевичъ, насъ вчера съ вами напугала проклятая рюмка, что дѣлать, я виноватъ, впередъ буду запасенъ въ чернилицахъ. Если вы вздумаете, то будьте увѣрены, что я душевно буду радъ послужить съ вами гдѣ придется; я и самъ еще не знаю, буду ли гдѣ губернаторомъ, или меня сдѣлаютъ сенаторомъ.

Шрейдеръ ѣзжалъ ко мнѣ во Дворецъ не очень часто, какъ ѣзжалъ въ другіе карантины. Первый кто занялъ карантинъ во Дворцѣ, былъ Дѣйств. Тайн. Совѣтникъ князь Вяземскій съ семействомъ ѣдущій въ Петербургъ.

Когда во дворцѣ карантинъ былъ готовъ, то Шрейдеръ пригласилъ священника изъ села Всесвятскаго для освященія его; пока продолжался молебенъ, Шрейдеръ ни минуты не переставалъ писать, когда же дьяконъ возгласилъ: паки, паки, преклонимъ колѣни, Шрейдеръ бросалъ перо и палъ на колѣни.

Члены комиссіи: купцы почетные граждане Фалѣевъ (бывшій градской глава) и старикъ Аллалуевъ—эти господа привезли съ собою закусокъ и шампанскаго, которое мы и роспили.

Во время устройства карантина до самаго его окончанія, въ немъ никого изъ постороннихъ лицъ не было, кромѣ: старика корпуснаго гонорала ....., котораго я водилъ по всему помѣщенію карантина,—и старика же Графа Санти, который въ одинъ день, послѣ обѣда, приходилъ пѣшкомъ въ сопровожденіи прекрасной молодой прислужницы, державшей въ рукахъ кисетъ; Графъ этотъ былъ нѣкогда генералъ-интендантомъ.

Медицинскою частью карантина завѣдывалъ докторъ отат. совѣт. Васил. Андр. Городулинъ, который нѣсколько разъ выдержалъ чуму въ Турціи—слѣдовательно былъ знакомъ съ этими продѣлками.

Близь Петровскаго Дворца была ресторація, которую содержалъ Крестьянъ Карловичъ Нейманъ, и который хотѣлъ очень взять на себя маркитанскую кухню карантина, и потому то хлопоталъ объ этомъ чрезъ смотрителя дворца штабъ-ротмистра Алексѣя Михайловича Мещеринова; который хотя и не былъ причастенъ къ комиссіи карантинной, но какъ хозяинъ дома, взялся было просить объ этомъ Г. Городулина, и чтобы лучше удостовѣрить сего послѣдняго въ знаніи Нейманомъ поварскаго дѣла,—Городулинъ, я и Мещериновъ были приглашены на обѣдъ къ Нейману, который насъ напоилъ и накормилъ такъ, что будто бы холеры никогда и не бывало въ Москвѣ. Но дѣло не состоялось, кухню взялъ какой то руской купецъ-трактирщикъ.

Было нѣсколько дней такихъ, въ которые я долженъ былъ ночевать во дворцѣ, за что и обязанъ доброму Мещеринову, который призиралъ меня какъ родного; и мы съ нимъ, бывало, всю ночь проговоримъ и просмѣемся—онъ былъ очень веселый человѣкъ. Жена ого была тоже добрая барыня, она жила одна одинехонька,—у нихъ не было дѣтей, и имъ очень даже пріятно было, когда я долженъ былъ остаться ночевать. Обѣдать я къ нимъ рѣдко ходилъ, какъ потому, что некогда, такъ и потому, что я церемонился, за что Мещериновъ злился на меня—и былъ правъ.

За день до открытія карантина прибылъ во дворецъ караулъ и при немъ молодой офицеръ. Это случилось въ воскресенье; Мещериновъ пригласилъ къ себѣ на завтракъ Московскаго гусарскаго полка подполковника Евреинова, назначеннаго директоромъ карантина, которому я и одалъ опый,—а также и молодаго офицера. Этотъ послѣдній дотого былъ смиренъ и неразвязенъ, что онъ боялся ѣсть, при подполковникѣ, который между прочимъ былъ человѣкъ очень вѣжливый.

Вмѣсто пары лошадей, я получалъ отъ комиссіи карантинной по 6 руб. въ день,—которые всѣ и отдавалъ извощику Василью, нечаянно разъ нанятому

мною на Балчугѣ, и навсегда оставшемуся мнѣ извѣстнымъ. Къ счастію, я напалъ на человѣка трезваго, услужливаго и по милости моей не боящагося холеры; мы обыкновенно выѣзжали въ Петровскій Дворецъ въ половинѣ 9 часу утра, а возвращались домой чрезъ Мясницкую часу въ 10 и 11 или позже. Когда Василій пріѣжалъ ко мнѣ утромъ, ему выносили большой стаканъ чаю, калачъ, а послѣ большую рюмку рейнскаго вина. Слава Богу, что я имѣлъ тогда кой какіе деньги, къ тому жъ намъ выдали впередъ за треть жалованье, а то бы худо мнѣ было.

Случалось иногда, что покончивши пораньше у Шрейдера, мы съ Гамбурцевымъ заѣзжали къ Харузину и тамъ такъ то важно лечились отъ холеры его славнымъ донскимъ виномъ. Выходя же на воздухъ, ничего не встрѣчали, кромѣ вони отъ курившагося на всѣхъ дворахъ навоза—день и ночь; или стучала по мостовой холерная карета, или фура съ тѣлами, или слышался топотъ гусарскихъ или жандармскихъ лошадей. Народу же нигдѣ ни души — все это было такъ не только въ глубокую ночь, но и днемъ! Но мы привыкли, намъ горя не было, мы строили каранти̇ны!

Кажется на день Введенія Божіей Матери, не припомню гдѣ, только я встрѣтился съ Луженовскимъ, который убѣдилъ меня ѣхать къ казначею строит. ком. Никитѣ Франсовичу Далю поиграть у него въ бостонъ; надо же чѣмъ себя разсѣять; пріѣхали вечеромъ. Четвертый игралъ съ нами Гаврила Степановичъ Боршевъ секретарь строит. ком. (Всѣ они трое уже давно померли). Мы играли до заутрени, ѣли даже яишницу, я это помѣщаю здѣсь затѣмъ, чтобы показать боялся ли я холеры.

Разъ какъ то ѣхавши домой изъ Петровскаго Дворца вздумалось мнѣ навѣстить пріятеля моего Василія Герасим. Желѣзнолова, который былъ боленъ трусостью, однако лѣчился и лѣчился не шутя. Мнѣ жалко его было, — вхожу къ нему нарочно въ шинели, въ шляпѣ, шапо-ба, и въ красномъ платкѣ, который былъ обернутъ вокругъ моей шеи. Смотрю, мой Желѣзноловъ выпучилъ на меня глаза, не вѣритъ, живой ли я или мертвый и ей, ей, не шучу—такъ было; жена его насилу могла успокоить, — онъ за меня дрожалъ, когда я ему разсказывалъ о своихъ походахъ, — и даже боялся подчивать меня виномъ. Въ этотъ то вечеръ пріѣхалъ къ нему докторъ Ѳедоръ Абрамовичъ Коршъ, который уморилъ меня до слезъ своими разсказами о холерѣ, и какъ ее лѣчатъ.

День Св. великаго чудотворца и угодника Божія Николая, въ 1830 году, былъ въ воскресенье, я привезъ было Шрейдеру окончательный отчетъ, въ постройкѣ карантина, какъ встрѣтилась надобность съѣздить въ Петровскій дворецъ. Наканунѣ за день выпалъ снѣгъ, а въ Николинъ день стала зимняя дорога: я пролетѣлъ заставу и все пространство отъ оной до дворца, и нигдѣ и никакихъ уже оцѣпленій не было, въ Москву тянулись обозы и путешествен-

ники. Я пріѣхалъ къ Мещеринову, и мы оба благодарили Бога за начинающееся прекращеніе холеры. Съ этого дня я болѣе его не видалъ — онъ давно уже окончался.

Шрейдеръ получилъ за карантины корону на звѣзду—и мы съ нимъ разстались. Гдѣ онъ теперь находится, не знаю. Знаю только то, что онъ вполѣдствіи былъ въ Витебскѣ, или въ Минскѣ губернаторомъ. Помѣстья же его въ Рязанской губерніи. Сынъ его (теперь кажется едва ли не генералъ) женатъ былъ на Золотаревой купчихѣ, а самъ отецъ другой разъ женился на Полторацкой.

Къ Шрейдеру одинъ разъ пріѣзжали молодые, дочь бывшаго Курскаго губернатора Муратова съ мужемъ своимъ конноегеремъ. Они долгое были оба молоды и прекрасны собою, что Шрейдеръ, провожая ихъ, сказалъ: въ жизнь мою подобной партіи не видывалъ!

У Шрейдера же видѣлъ я одинъ разъ Лазареву, жену богача Лазарева, чей институтъ въ Москвѣ. Она дочь сенатора . . . . . ; о ней говорили, что она красавица, и точно есть на что было налюбоваться — она тогда была беременна; ее провожали до передней жена и самъ Шрейдеръ. Въ это время братъ Шрейдера былъ директоромъ Лазаревскаго института.

Я забылъ сказать объ одномъ смѣшномъ случаѣ. Г. Дроновъ доказывалъ Шрейдеру, что надо взять планы изъ комиссіи строеній той мѣстности, гдѣ назначался за Покровскою заставою быть устроенъ карантинъ. Шрейдеръ сначала и соглашался и нѣтъ; какъ вдругъ Дроновъ (покойникъ) говоритъ ему: къ В. П. хотѣлъ быть нашъ инспекторъ, Николай Яковлевичъ Холыновъ; то вы съ нимъ о семъ извольте переговорить. — Въ эту минуту въѣзжаетъ на дворъ карета (это было въ темный вечеръ), запряженная въ четыре сѣрыя лошади. Дроновъ, не посмотрѣвши хорошенько, сказалъ: да вотъ кажется и онъ пріѣхалъ. Я молчалъ. Растворяется дверь; въ нее входитъ мущина довольно пожилыхъ лѣтъ съ Александровскою или Анненскою звѣздою, не помню. Шрейдеръ бросается къ нему навстрѣчу и говоритъ ему: „А Николай Яковлевичъ!" Тотъ не обращая на слова его никакого вниманія, начинаетъ говорить: позвольте В. П. представить мнѣ себя вамъ, я ѣду въ Петербургъ, то прошу покорно назначить мнѣ отдѣльное помѣщеніе въ карантинѣ Петровскаго дворца. Разговоръ коснулся болѣзни; но когда надо было ѣхать просителю, то Шрейдеръ говоритъ ему: какъ мнѣ отмѣтить о васъ, — тотъ ему отвѣчаетъ: дѣйств. тайн. совѣтн. князь Вяземской. Когда князь уѣхалъ, Дроновъ готовъ былъ провалиться сквозь полъ. Ему досталось отъ Шрейдера и отъ насъ.

Временную баню у Крымскаго моста, назначенную для пользованія больныхъ холерою, никто не бралося одѣлать. Рабочіе безъ оглядки бѣжали изъ Москвы. Я почти насильно навязалъ эту работу на Василья Евдокимовича Кра-

снова, у котораго тогда была прекрасная артель плотниковъ, и по счастію, многіе изъ нихъ оставались еще въ Москвѣ для окончанія срочныхъ дѣлъ. Красновъ, только по убѣдительной моей просьбѣ, и то едва согласился произвести всю постройку весьма обыкновенной бани, съ его матеріалами за 1000 рублей ассигнаціями, кромѣ однако печной работы, и потребныхъ для того вещей. Красновъ извѣстенъ былъ всѣмъ московскимъ архитекторамъ какъ честный и благонадежный подрядчикъ. Къ тому жъ Красновъ незадолго до холеры производилъ подъ надзоромъ моимъ всѣ плотничныя работы въ съѣзжемъ Пречистенскомъ домѣ; слѣдовательно, я его, а онъ меня, очень хорошо знали. Какія случались у меня послѣ холеры плотничныя казенныя работы, всѣ онѣ производились не иначе какъ Красновымъ. Два слова о этомъ русскомъ мужикѣ: Красновъ имѣлъ отъ природы красное лицо, огненные волоса на головѣ и бородѣ; былъ трезвый, умный, услужливый и добрый человѣкъ. Изъ этого понять можно, сколь часто ошибаются въ наружности! Красновъ по хорошимъ качествамъ своимъ извѣстенъ былъ даже князю Димитрію Владимір. Голицыну. Вотъ одинъ случай, который въ томъ удостовѣритъ. Одинъ изъ адъютантовъ князя, конной гвардіи ротмистръ Петръ Петровичъ Новосильцевъ строилъ для себя въ Сокольникахъ лѣтній домъ, плотничную работу котораго производилъ Красновъ. Въ одинъ день, послѣ обѣда, заѣзжаетъ къ нему князь, Новосильцевъ тогда жилъ въ собственномъ домѣ, въ приходѣ Харитонія что въ Огородникахъ. Онъ пріѣхалъ въ небольшой открытой колясочкѣ парою. Въ это время у Новосильцева случился Красновъ. Ему давно хотѣлось видѣть дачу Новосильцева; потому то заѣхалъ къ нему, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ Сокольники. Князь и Новосильцевъ сѣли въ колясочку и уже было поѣхали, какъ князь велѣлъ остановиться и приказалъ Краснову сѣсть между ними; Красновъ не зналъ что дѣлать; но когда князь повторилъ приказъ, а Новосильцевъ ободрилъ его, — бѣдный долженъ былъ повиноваться. За то Краснова всю дорогу не могли заставить надѣть шляпу, — онъ ее скомкалъ въ рукахъ— надѣнь, ты голову простудишь! — Что хотите, а я не надѣну, руки не поднимаются! — Свѣтлѣйшій князь, московскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ отъ кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта, шефъ Орденскаго кирасирскаго полка, всѣхъ россійскихъ и иностранныхъ орденовъ кавалеръ, украшенный портретомъ и вензелевымъ имепемъ на эполетахъ — всемилостивѣйшаго Государя нашего — посадилъ съ собою рядомъ въ коляскѣ крестьянина княгини Лопухиной — Краснова и провезъ его такъ почти чрезъ половину вѣренной его попеченію столицы! Что этимъ князь хотѣлъ показать? — что добрыя качества, умъ, трудолюбіе и честность уважаться должны всѣми и въ крестьянахъ.

Назначить мѣсто, гдѣ должна быть поставлена баня, оберъ-полиціймей-

стеръ предоставилъ (кажется) доктору Рихтеру, полиціймейстеру полковнику Ѳедору Ивановичу Миллеру и мнѣ. Для совѣщанія объ этомъ назначили съѣхаться на мѣсто постройки послѣ обѣда.

Я заѣхалъ къ Миллеру; онъ тогда занималъ весь домъ генерала Сипягина, гдѣ помѣщается нынѣ комиссія о построеніи храма во имя Христа Спасителя. Поговоривши съ нимъ кой о чемъ, онъ спросилъ меня: съ вами есть экипажъ?— Есть. — Такъ вы меня довезете до больницы, между тѣмъ моихъ лошадей запрягутъ. Миллеръ сѣлъ верхомъ на дрожки, — онъ былъ одѣтъ въ сюртукъ, безъ сабли, въ теплой шинели и въ теплой фуражкѣ.

Все совѣщеваніе кончено было въ два слова. Я понялъ, что доктора придумали выстроить баню такъ себѣ, для большой важности! Этимъ совѣщаніемъ кончилась вся обязанность моя по постройкѣ бани, — я передалъ Краснова гг. докторамъ, и они уже сами съ нимъ хлопотали, какъ хотѣли.

Изъ предъидущаго описанія видѣть можно, что при постройкѣ бани труды мои состояли только въ пріисканіи благонадежнаго человѣка, въ избраніи безопаснаго и удобнаго для нея мѣста, въ начертаніи сообразно надобности плана, въ составленіи приблизительныхъ исчисленій суммы потребной на все это; и пожалуй развѣ еще въ томъ, что я по сему предмету нѣсколько разъ былъ у оберъ-полиціймейстера — вотъ и все. Зато устройство за Калужскою заставою, за Мухаммеданскимъ кладбищемъ, анатомическаго театра (такъ строеніе сіе названо было отъ начальства) сопряжено было съ немалымъ трудомъ и даже опасными непріятностями.

Въ началѣ и во время самой постройки театра, погода была мрачная, холодная, дождь шелъ почти каждый день. Прибавьте къ этому правдивые и нелѣпые слухи о холерѣ, которые болѣе самой болѣзни убивали людей, и безъ того потерявшихъ присутствіе духа. Сегодня вамъ сказывалъ Иванъ, что Петръ скоропостижно окончался холерою, смотришь, на утро и Ивана не стало! На улицахъ похоронныя церемоніи взошли въ обыкновеніе, особенно зеленыя фуры и предшественницы ихъ — холерныя кареты, запряженныя парою тощихъ лошадей, и управляемыя будочниками, сновались изъ стороны въ сторону; всѣ ворота домовъ на запорѣ; на дворахъ дымилось и выходило на улицы непріятное курево навоза, который жгли въ каждомъ домѣ. Лавки немногія были не заперты. Народъ показывался на улицахъ только развѣ тогда, когда ходилъ въ церкви молиться Богу, — рѣдкій изъ жителей не говѣлъ; всѣ ждали внезапной смерти или чего то другаго. Крестные ходы отъ каждой церкви, сверхъ возбужденія народа къ молитвѣ, поселяли въ немъ не говорю страхъ, но какое то непостижимое чувство, похожее на уныніе, тоску и неувѣренность въ прощеніи грѣховъ.

Все что я выше сказалъ о дѣйствіи холеры въ Москвѣ, есть слабая тѣнь

того, что жители ея претерпѣли отъ сей ужасной болѣзни, уничтожавшей въ нѣсколько часовъ цѣлыя семейства, цѣлыя поколѣнія людей, лишавшей дѣтей родителей, родителей—дѣтей, несщастныхъ — благодѣтелей, надѣлавшей вдовъ и вдовцовъ. Однимъ словомъ, холера 1830 года останется навсегда глубокою язвою для Москвы, и особенно для бѣднаго класса людей, которые не знали, чѣмъ и какъ пользоваться, къ тому же не имѣли духа и не имѣли средствъ, а холера безпощадно вырывала изъ среды ихъ жертвы своей злобы.

Въ переулкѣ, раздѣляющемъ Большую Ордынку отъ Малой Полянки, былъ двухъ-этажный домъ, который еще въ 1812 году, во время пресловутаго посѣщенія Великаго Наполеона Москвы, и еще пресловутѣе бѣгства его изъ оной—сгорѣлъ и съ тѣхъ поръ стоялъ безъ всякаго призрѣнія; предъ самою же холерою купилъ его знакомый мнѣ князь Енгалычевъ, онъ хотѣлъ его отстроить и просилъ меня заняться симъ дѣломъ. Я снялъ съ дома планъ. Обмѣривая нижній его этажъ, я удивился, что въ немъ помѣщалось нѣсколько человѣкъ извощиковъ-ванекъ, съ конюшнями своими, они безъ отчетно не боясь грозившей имъ опасности отъ ветхости дома; одинъ изъ этихъ извощиковъ, отвозя меня домой, понравился мнѣ за добросовѣстность и услужливость; къ тому же у него былъ весьма изрядный каллибръ и сытенькая лошадка какъ огурчикъ. Его то я завербовалъ ѣздить со мною за Калужскую заставу, на мѣсто постройки помянутаго театра.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ дни короткіе, а разстояніе отъ моей квартиры до холернаго кладбища, бывшаго за Мухаммеданскимъ кладбищемъ, въ лѣвой сторонѣ Калужской дороги, составляло едва ли не близъ 8 верстъ. Такъ выѣзжая изъ дому, разумѣется позавтракавши, и не ранѣе десяти часовъ утра, я не прежде могъ возвращаться, какъ поздно вечеромъ, а иногда и ночью. Кто ѣзжалъ за Калужскою заставою въ осеннее время, тотъ знаетъ, какъ проѣзжаютъ по этой дорогѣ, и особенно въ слободкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ кирпичными заводами,—и вѣрно согласится со мною, что для этого путешествія непремѣнно надо запастись терпѣніемъ; нельзя выпести непріятностей, какія предстоятъ по этому пути осенью въ дождливое время. Проѣхать по слободкѣ, надо толкаться изъ стороны въ сторону—опускаться въ ухабы грязи и карабкаться изъ нихъ на обрывистые и взбитые косогоры, и все это по ступицу въ грязи и среди сотни колеей, изрѣзавшихъ не дорогу, а поля грязи, чортъ знаетъ на сколько частей! Если лошадь еще не выбилась изъ силъ, то она потащитъ не иначе, какъ шагъ за шагомъ, и то какъ: одно колесо утонетъ по ступицу въ колеѣ, а другое очутится на косогорѣ, и бѣдный сѣдокъ скорѣй протягивай ту или другую ногу, а корпусъ свой криви на противную ей сторону, иначе онъ стремглавъ полетитъ въ пучину вонючей грязи! Если удержался, если экипажъ уцѣлѣлъ, то славу Богу! но еще впереди бѣда и бѣда неминучая! Ѣдешь

одинъ изъ Москвы, и впереди никого, но тебя можетъ догнать несущійся порожній обозъ,—передовой мужикъ, положимъ, поспѣшитъ править, но самъ онъ не знаетъ, куда править; по дорогѣ только одна и есть стезя, по которой хотя съ трудомъ, но еще можно кой какъ проѣхать. Вотъ тутъ то берегись, чтобы которая нибудь изъ неуправляемыхъ возжами лошадей не ударила оглоблями, не столкнула бы экипажа и тебя вмѣстѣ съ нимъ, чертъ знаетъ во что и куда! Еще хуже бываетъ со встрѣчными обозами, сила нагруженныхъ телѣгъ опаснѣе свободныхъ! Если дурна была большая Калужская дорога, что же надо ожидать тамъ, гдѣ дороги никогда не было? А это было со мною: когда я странствопалъ въ 1830 году на холерное кладбище, куда чрезъ Калужскую заставу, могу смѣло сказать, не первый ли я началъ ѣздить; изъ Калужской слободки до дачи Господина . . . . . было что то похожее на дорогу, но отъ дачи . . . . и до внезапно возникшаго холернаго кладбища вовсе ѣзженной дороги не было. А если и ѣздятъ тутъ татары на свое кладбище, то всякій изъ нихъ колеситъ какъ попало, только бы добраться и убраться поскорѣй.

Проѣхавши въ грязи чрезъ благовонную дачу . . . . . на которой онъ варилъ то, что выбрасываютъ изъ ретирадъ Москвы и продавалъ подъ именемъ *пудрета для удобренія полей*, — *выѣзжаешь на поля* — сначала ѣдешь хорошо, вдругъ рытвины, наполненныя водою, тамъ косогоръ, оглянись—кругомъ грязь, кусты и буераки. Прошу назвать это дорогою. Все это хорошо еще днемъ, но въ темную осеннюю ночь, когда дождь всѣ глаза выбьетъ, вѣтеръ буянъ готовъ сорвать шапку и повалить экипажъ, тогда упаси Боже какая страсть ѣздить тутъ! Остановились, лошадь выбилась изъ силъ, ей надо вздохнуть, но вдругъ слышишь, назади ѣдутъ — оглядываешься — что же, ѣдетъ фура или двѣ, онѣ полны и возутъ несчастныхъ моихъ братій. Куда дѣваться; хоть во все горло кричи, что нельзя свернуть съ дороги, фурманщики не хотятъ и слушать и отвѣчаютъ грубо: намъ некогда ждать! Хорошо еще, что удастся своротить экипажъ, а не то ворочай назадъ, хотя бы по ступицу въ грязь. Эти бѣдные возничіе мертвыхъ тѣлъ такъ окаменѣли къ живому человѣчеству, что жалко было на нихъ смотрѣть.

Вотъ такъ каждый разъ ѣздилъ я для осмотра производившагося строенія театра; я уже прежде сказалъ, что возвращался домой съ постройки всегда ночью, то какъ бывало обрадуешься, когда дрожки мои застучатъ по опустѣлымъ улицамъ Москвы—вотъ что значило устать и быть заняту дѣломъ; мнѣ и на умъ не приходило, что въ Москвѣ, куда я съ радостью спѣшу, гибнетъ народъ, а другой бѣжитъ изъ нея безъ оглядки.

Мнѣ очень памятно, что товарищъ мой въ трудахъ дороги, кажется, Семенъ извощикъ, ѣдучи въ одинъ вечеръ со мною изъ за Калужской заставы, все молчалъ, когда же мы въѣхали въ Москву, поправился, оборотился ко мнѣ и

началъ говорить: наши молодцы всѣ уѣхали домой, звали меня, но я не поѣхалъ.—Почему же?—А васъ кто будетъ возить сюда, прости Господи въ это несчастное мѣсто. —Спасибо тебѣ, любезный! —Я было прежде еще молодцевъ хотѣлъ уѣхать, да подумалъ, зачѣмъ я поѣду изъ Москвы, все равно гдѣ ни умереть, къ тому жъ мнѣ совѣстно стало, — вѣдь вотъ молъ баринъ то мой ѣздитъ же бѣдный и хлопочетъ, а я что?—развѣ я какой ни есть господинъ. Пріѣзжай ка домой, да скажи отцу, что была дескать работа возить васъ, да жутко стало; такъ я знаю, что старикъ мой не похвалилъ бы меня; онъ бы сказалъ: ахъ, ты шатукъ, и работы то ты лишился, и грѣхъ на душу свою взялъ! Ну если всѣ извощики уѣдутъ изъ Москвы, то кто же будетъ возить тѣхъ, у кого нѣтъ своихъ лошадей? А право велико слово, хочу вамъ сказать, я бы всетаки уѣхалъ пожалуй хоть завтра до свѣту изъ Москвы, да мнѣ покинуть васъ видитъ Богъ больно жалко. Подожду, авось скоро состроютъ тамъ. Вольно давича напугали меня, а то вотъ когда сваливали то изъ фуръ въ яму гроба то; Господи ты Боже мой! инда и теперь душа дрожитъ. А эти лѣшіе, фурманщики то, когда вы были въ горницѣ то, что они между собою баяли, такъ инда лошадь моя вздрагивала, имъ кажись гроба то, какъ трехъ-полѣнные дрова—знай себѣ швыряютъ въ яму, да балясничаютъ между собою. Одинъ изъ нихъ, какъ ни темно было, а примѣтивъ, что я извощикъ, сказалъ своимъ товарищамъ: посмотри-ка, вотъ чертъ его куда занесъ, видно захотѣлось поглядѣть, куда его бросятъ. Ха! ха! ха!—Ахъ нелегкая возьми ихъ проклятыхъ! да что, я смиренъ, другой бы далъ имъ знать себя—забыли бы такъ издѣваться, нехристи адаки!—Почему жъ они нехристи?—А какъ же? вѣдь они не по нашему сначала баяли,—никакъ жиды что ли; только мнѣ послышалось, что баютъ то они какъ вотъ тѣ, что живутъ на Глѣбовокомъ подворьѣ, я вѣдь иногда вожу ѣздоковъ—туда, —вѣстимо жиды, только и слышишь; ци, ци, зи зи, словно птицы въ Охотномъ! чтобъ имъ ни дна, ни покрышки, разбойники!

Почти чрезъ 22 года послѣ 1830 года—эти строки я пишу въ 1852 году—а все, и тогдашняя служба моя, и поѣздки мои, и разговоръ извощика, и бывшія бѣдствія отъ холеры, какъ будто вчера происходило. Отъ чего это? не потому ли что прошедшія непріятности памятнѣе счастливыхъ дней.

7-го Октября былъ я у оберъ-полиціймейстера, а отъ него ѣздилъ отыскивать печника, для поставки желѣзныхъ печей въ комнатѣ при анатомическомъ театрѣ, и около сумерекъ заѣхалъ я (и все съ Семеномъ моимъ) на Мясницкую навѣстить дѣда моего, Ѳедора Григорьевича Даматорова, котораго засталъ сидящаго въ одиночествѣ у окна, въ тулупѣ и въ колпакѣ. Онъ грустилъ о чемъ то. — Что съ вами? — Ты не знаешь, Анна Дмитріевна приказала тебѣ долго жить.—Боже мой! какъ? что съ нею случилось?—Тутъ несчастный и благодѣтельный старецъ не могъ болѣе удерживаться, залился слезами и съ трудомъ

разсказалъ мнѣ о неожиданной кончинѣ всегда многоуважаемой Анны Дмитріевны. Она была на похоронахъ мужа родной племянницы своей, и 7-го числа Октября около ранняго обѣда возвратившись благополучно домой вдругъ почувствовала признаки холеры; признали доктора; ничто не помогло; и бѣдная въ тотъ же день, за часъ до моего пріѣзда, уже успокоилась вѣчнымъ сномъ на Пятницкомъ кладбищѣ. Я долженъ былъ дождаться возврата съ кладбища дѣтей ее. Признаюсь откровенно, этотъ горестный случай такъ поразилъ меня, что я не думалъ доѣхать живымъ до дому. Послалъ въ аптеку Енброга за хлорью, а самъ опѣшилъ уѣхать поскорѣй домой. Какъ я взошелъ въ мою квартиру, какъ насыпалъ на тарелку хлоры и поставилъ на окно, какъ я легъ, когда заснулъ, и какъ проснулся по утру, — ничего не помню. Это было для меня какъ въ туманѣ, къ тому жъ я былъ одинъ одинешенекъ въ квартирѣ, кромѣ Розки, которая всегда спала у меня въ ногахъ. Когда пришла Михайловна, и я сталъ пить чай, голова моя закружилась, мнѣ стало душно; сердце начало сильно биться. Я вышелъ на воздухъ, мнѣ стало легче. Когда я взошелъ въ комнаты, припадокъ повторялся, я ждалъ смерти. Но наконецъ побѣдивъ эту мысль, качалъ ходить изъ угла въ уголъ, и коль скоро подходилъ къ одному изъ нихъ, мнѣ замѣтно дѣлалось дурно, я снова выходилъ на воздухъ и снова облегчался. Въ комнатѣ мнѣ было хуже, особенно когда я оидѣлъ или подходилъ къ одной изъ ея сторонъ. Спустя нѣкоторое время, вошелъ ко мнѣ никогда не бывавшій у меня Г. Ежевъ. Онъ тогда служилъ архитекторомъ въ Медико-Хирургической Академіи. — Что съ вами? — Да я и самъ не понимаю. Я ему разсказалъ все, что чувствовалъ. Онъ вдругъ спросилъ — да гдѣ у васъ стоитъ эта мерзость?—Вотъ она. Не говоря ни слова, онъ схватилъ тарелку съ хлорою и велѣлъ двери въ сѣни растворить и выкинуть ее въ сортиръ. Каково жъ было мое удивленіе, когда мнѣ чрезъ полчаса стало замѣтно лучше, и я съ Ежевымъ спустя нѣсколько времени ѣлъ преспокойно паюсную икру и соленые огурцы. Ежевъ объяснилъ мнѣ, какія дѣла дѣлаетъ хлора, и удивлялся, какъ я не умеръ ночью отъ испарсній хлоры.

Въ одну ночь мнѣ не спалось. Не знаю молился ли я, но только не спускалъ глазъ съ живописнаго распятія, стоявшаго въ переднемъ углу моей спальни, предъ которымъ теплилась лампада. Огонь лампады, отъ жара въ моей головѣ, глазамъ моимъ казался чемъ то страшнымъ; что я тогда чувствовалъ, —передать не могу, но очень помню, что мнѣ представлялась во всемъ ужасѣ незавидная моя участь: я былъ совершенно одинъ, родные мои удалены давно были отъ меня судьбою; я привыкъ жить съ чужими, но и тѣхъ теперь не было со мною; одна только Розка лежала у меня въ ногахъ, смотрѣла мнѣ въ глаза, ласкалась, какъ будто понимала, что мнѣ было тяжело. Эти часы моей жизни были мучительны. Бывали, и очень часто бывали, невзгоды со мною, но по

крайней мѣрѣ, я физически былъ здоровъ; къ тому жъ въ эти невагоды не безпокоила меня мысль о другихъ! я думалъ о жребіи мнѣ выпавшемъ, и только. Но тутъ, когда себя чувствовалъ готовившимся быть жертвою холеры, умереть безъ помощи, безъ слезы дружбы, въ отвратительныхъ припадкахъ холеры, о коихъ одна мысль рождала болѣзнь! — Все это слилось въ моемъ воображеніи, и терзало меня. Господу угодно было помиловать меня. Къ утру я заснулъ; часу въ 8-мъ утра меня разбудилъ условный стукъ Михайловны, которая пришла ко мнѣ для обычныхъ услугъ своихъ. Я проснулся и поистинѣ былъ пораженъ звукомъ пѣнія, которое мнѣ слышалось, какъ будто еще я сплю! Я вскочилъ съ постели, бросился къ окну, и чтожъ я увидалъ?—По переулку, на которомъ была моя квартира, несли образа въ предшествіи хоругвій, священникъ церкви Св. Григорія Неокесаринскаго державъ въ одной рукѣ животворящій крестъ, а другою окроплялъ народъ и дома. За церемоніей шло нѣсколько людей, а тѣ, которые вышли и выбѣжали на улицу, падши на колѣни, молились со слезами, и едва ли не въ первый разъ въ жизни молились со всѣмъ усердіемъ и упованіемъ на Господа. Я не могъ растворить оконъ, въ нихъ уже были поставлены зимнія рамы. Я молился, и кажется такъ не молился никогда! Чтобы показать, до какой степени душа моя въ эту минуту была полна благочестивыхъ мыслей о упованіи на Милосердіе Всемогущаго, и какъ я вопрошалъ себя о всемъ томъ, что должно быть исполнено мною, для пріобрѣтенія благодати Божіей, прощенія грѣховъ моихъ, и избавленія отъ свирѣпствовавшей вокругъ меня болѣзни холеры, — все это я въ то же утро излилъ на бумагу, которую и сохранилъ напоминаніемъ о семъ незабвенномъ для меня утрѣ. Безъ отчетно, безъ предварительныхъ обдумываній написалъ я тогда слѣдующее...

Кругомъ меня умирали родные, знакомые и незнакомые. Народъ безмолствовалъ, унывалъ, но и молился, а я почти во все время холеры, въ дождь, вѣтръ и холодъ, днемъ и ночью ѣздилъ изъ дому для исполненія возложенныхъ на меня наблюденій за постройками: на холерное кладбище, гдѣ устраивался корпусъ для вскрытія труповъ зараженныхъ холерою; въ Петровскій Дворецъ, гдѣ въ боковыхъ полуцыркульныхъ его корпусахъ учреждалось нѣсколько карантинныхъ отдѣленій для выдержанія въ нихъ по узаконеннымъ правиламъ карантиннаго времени ѣдущимъ какъ изъ Москвы, такъ и ѣдущимъ изъ С.Петербурга. Правда, я тогда имѣлъ 29 лѣтъ отъ роду; этотъ возрастъ говорятъ самый счастливый въ жизни. Притомъ же я былъ здоровъ, а заботы по службѣ не давали времени вспомнить что дѣлается вокругъ меня; я такъ былъ спокоенъ духомъ, какъ будто имѣлъ алмазное сердце; у меня только одно было въ предметѣ, что Богъ помилуетъ меня. Я былъ счастливъ. Служилъ усердно Царю для пользы ближняго.

Господи! на нелицепріятномъ судѣ Твоемъ воспомяни недостойнаго раба Твоего Владиміра.

„Вѣруяй въ онь, не будетъ осужденъ, а не вѣруяй осужденъ есть, яко не вѣрилъ во имя единороднаго Сына Божія". Іоанна глав. 3, ст. 18.

Погрузившись о всемъ этомъ въ глубокую думу, — внутренній голосъ говорилъ мнѣ: безумный, вспомни, что требуетъ отъ тебя Милосердный твой Отецъ, пекущійся о спасеніи души твоей. Онъ только хочетъ того, чтобы ты любилъ Его: „Возлюбиши Господа твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всею мыслію твоею. Сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: Возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе. Въ сію обою заповѣдь весь законъ и пророцы висятъ". Мате. глав. 22. ст. 37-41.

Что мнѣ оставалось дѣлать, я началъ тѣмъ,—воззвалъ къ Богу: „Царю Небесный, утѣшителю душе истины" и т. д. Потомъ спрашивалъ себя, какъ исполнялъ я до сего дня заповѣди Бога и Творца моего.

По 1-й.

Попралъ ли то, чему приносилъ дань: злопамятствомъ, сребролюбіемъ, гордостію, злобою, жестокосердіемъ, неправдою и недружелюбіемъ?

По 2-й.

Сокрушилъ ли кумировъ: отпаденіемъ отъ сладострастій соблазна, въ неугнетеніи ближняго; въ исканіи тленной земной славы; въ неповиновеніи, въ самолюбіи и въ непрезрѣніи брата твоего?

По 3-й.

Постигнулъ ли, чье имя неоднократно бралъ въ увѣреніе ложныхъ клятвъ своихъ, для исполненія безстыдныхъ и недостойныхъ человѣка замысловъ?

По 4.

Молился ли въ субботній день съ принесеніемъ сердечной и искренной благодарности Тому, Кто удостоилъ въ теченіи шести дней быть полезнымъ ближнему; съ благоговѣніемъ ли внималъ божественной службѣ и наставленіямъ пастырей церкви?

По 5.

Сохранилъ ли преданность, вѣрность, усердіе и любовь къ Царю? съ устрашимостію ли готовъ говорить ему правду? Былъ ли тѣмъ, чѣмъ обязанъ по званію своему, исполнилъ ли все такъ, какъ каялся предъ лицемъ Всемогущаго

Бога? Охранялъ ли родителей отъ огорченія, содѣлалъ ли дни ихъ днями радости? Соблюлъ ли обязанности отца, въ страхѣ ли Божіемъ воспиталъ дѣтей?

По 6.

Не омылъ ли рукъ въ крови ближняго, не погубилъ ли неправдою своею прежде времянно: вдовицу, сироту беззащитную. Не отнялъ ли куска хлѣба у нищаго?

По 7.

Возлюбилъ ли жену, соблюлъ ли святыя узы брака, не соблазнилъ ли невинность, не развратилъ ли неопытнаго?

По 8.

Не пріобрѣлъ ли стяжанія неправдою?
Оправдалъ ли невиннаго, наказалъ ли виновнаго?
Сохранилъ ли честь свою въ безкорыстіи и неутаеніи?

По 9.

Не оклеветалъ ли кого ложно, не осудилъ ли прежде суда Господня?

По 10.

Не искалъ и не завидовалъ ли чуждой женѣ, рабынѣ, богатству и славѣ?

Такъ могу ли я, не освятивъ вѣры моей дѣлами, идти въ сопровожденіи крестнаго хода? „Изъ мыйтеся, глаголетъ Господь, и чисти будитѣ, отымите лукавство отъ душъ вашихъ предъ очами мои: научитеся добро творити: и аще будутъ грѣхи ваши яко багряне, яко снѣгъ убѣлю, аще же будутъ яко червлены, яко волну убѣлю". Исаія 1. 17. 18. 19. О премудрый Господи: „Ангеломъ своимъ заповѣдалъ о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путяхъ твоихъ. Упона и избавлю и покрою и яко позна Илья мне: воззове ко мнѣ и услышу его: съ нимъ есть въ скорби, изму его и прославлю его". IX псал. ХС. II.

Содѣлай же и мнѣ сердце чисто, духа твоего святаго не отыми отъ меня, да и я сподоблюся быть въ числѣ избранныхъ твоихъ и съ ними вмѣстѣ воскурю Тебѣ ѳиміамъ въ благоугодныхъ Тебѣ дѣлахъ, и воздвигну въ сердцѣ моемъ крестъ, залогъ моего спасенія, какой благоволишь Ты мнѣ дать, да имъ побѣжду возстающіе на меня, видимые и невидимые враги и бѣдствія. Вѣрую Господи, Ты истина вѣчная!